ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Евгений ЧЕБАЛИН

Сиамский двухголовец

Глава из романа-фэнтези "HAHO-SAPIENS"

или ***На изломе 1989-го***

Ворота в бетонной ограде были распахнуты настежь. Сквозь них отчётливо смотрелась членистоногая толпа – около сотни особей. Она клубилась вокруг здания Штази, источая азарт зверя, закогтившего добычу. Из оконных проёмов, ощерившихся стеклянными клыками, валил черный дым. Его пронизывали багряные языки пламени. Людской рёв нападавших прорезывал треск бутылок, разлетавшихся шрапнелью стекла. По стене, по окнам, куда влипали "коктейли Молотова", расплёскивались багряные протуберанцы пламени. Огонь хищно лизал сгущавшийся вечерний полусумрак.

Отсюда, из их особняка, до Дрезденского штаба контрразведки Штази, освещённого мертвенной люминесценцией фонарей и огненными факелами, было не более полусотни метров. В вибрирующей массе толпы явственно различалось ядро заводил человек в десять. Оно то втягивалось в эпицентр толпы, то рассасывалось по её периферии, увлекая нападавших за собой. Ядро диктовало, начинало действие: ломало молодые деревца, выкорчевывало скамейки, отдирало штакетник от изгороди вокруг спортплощадки. И толпа с остервенелой энергией повторяла их, расплескивая погром по всему двору.

Клаус Цаундик, вжавшись горячим плечом в пятнистый, обтянутый камуфляжем бок Панина, подрагивал в нервных приступах: толпа громила его Штази. Здание горело уже со всех сторон. Из выбитых дверей волоком тащили сотрудников – офицеров разведки, оставленных охранять особняк и не решившихся открыть огонь на поражение. Швыряли избитых в грязь, замешанную на талом снеге. Запрыгивали на тела, били ногами в безумии азарта, вдавливали лица в ледяную жижу.

Клаус вышёптывал сквозь стиснутые зубы:

– Виктор… готовь пулемет на третьем этаже… это зверьё скоро повернет сюда!

Панин молчал, пронизывал полутьму сухими, до рези суженными глазами, фиксируя в сознании явную управляемость толпы. На миг обожгла и тут же пропала воспаленная мыслишка о Цаундике: "Пришёл за полчаса до погрома… какой-то встрёпанный… знал, что ли?".

Толпа, явно повинуясь приказу, отхлынула от горящего особняка. Оставив в грязи неподвижные тела, стала всасываться в распахнутые ворота, острием в сторону их особняка. Позади толпы взрычал, пустил сизую струю выхлопа, тронулся за людьми грузовик.

– Я же говорил… повернули сюда! Надо стрелять по этому стаду! – надсаживая голос, крикнул Цаундик.

И Панин обострившимся рефлексом самосохранения вдруг ощутил в соседе по подъезду, соратнику по Штази, партнёру по агентурной работе некую чужеродность, хищный выплеск классовой ненависти, доселе никогда не проявлявшейся. Так и не ответив на него, он ринулся вниз со второго этажа. За распахнутой дверью кабинета связи горбился связист у рации, гнал в решетчатое рыльце микрофона одно и то же заклинание:

– Прима… Прима… ответьте Кордебалету… я Кордебалет!

Уткнулся в Панина затравленным взглядом, выстонал:

– Не отвечает, товарищ подполковник… два часа нет связи.

В стальные, трёхметровые ворота бухнул таран. Ворота содрогнулись, но выстояли. Бухнуло ещё и ещё раз, хлестнуло лязгом металла по слуху. Всё замолкло. Офицеры, столпившись у окон, влипали с муками в ползущую от ворот каленую магму тишины. Скручивались в напряге мышцы, цепенели хребты.

Приглушенно взревел грузовик. Наращивая рёв, стал приближаться. Сокрушительный удар железа по железу хлестнул по слуху, дёрнулись стояки ворот, сорвались с петель, рухнули створки ворот. Тупое рыло грузовика всунулось во двор, заверещало скатами по металлу. Остановилось. Толпа ворвалась в воротную брешь, сгрудилась вокруг крыльца.

– Руссише швайн! Аус гейт! – прорезав гул, стилетом высверкнул из толпы хлесткий фальцет. В утробе Германии снова зарождался 39-й, антисемитский и антиславянский год, с неистовым вожделением ожидая нео-фюрера… но его всё не было. Спустя секунды в зарешёченное окно полетела бутылка с зажигательной смесью, разбилась о решётку. Заполыхала рама. Толпа взревела, стала рассыпаться вдоль фасада и по двору. Вывернув скамейку из земли, четверо, наращивая скорость, взбежали на крыльцо, ударили тупым торцом в железо. Дверь дрогнула.

…Панин над радистом, связавшимся с воинской частью Дрезденского Советского контингента, бросал шипастые фразы в микрофон:

– Товарищ генерал, здесь подполковник Панин из КГБ: прошу помощи. Толпа разгромила особняк Штази и ломится сюда. Двери долго не выдержат.

– Всё понимаю, Виктор Владимирович. Но без приказа не имею права никого выпускать за пределы гарнизона.

– Какой, к чёрту, приказ?! Если я открою огонь на поражение без вашей помощи – полетят обе наши головы!

– О моей я сам позабочусь. Думай о своей, подполковник. Выпутывайся сам.

Радист, белея меловым лицом, выслушал приговор. Панин, ощерившись, выцедил:

– Сопли не распускать! Ещё раз пробуй… Москву давай! Дай мне Москву, Тархов!

Радист переключился. Били в виски секунды. В глазах радиста густел пещерный ужас:

– Она отключилась… "Прима" отключилась, товарищ подполковник… они нас бросили!

"Нас бросили". Слова радиста рухнули на Панина, рассекли его жизнь на "до" и "после". "До" – овевало уютным лоском быта, неуёмной нежностью жены и очарованием дочерей; роскошной, по меркам СССР, зарплатой; впрыскивало адреналин неистовым азартом вербовочной, аналитической, агентурной, работы; двумя новыми звездами на погонах за два года работы. А главное – медалью "Национальной, народной армии" из рук самого Маркуса Вольфа – начальника Штази.

"После" – только что обрушилось на головы предательством Москвы, отрёкшейся от них. Они все – прокажённые Социализма, изолированные на чужбине. И уже нет надёжного плота под ними – некогда всесильной Конторы. Разрушена стена меж ГДР и ФРГ, лопнули скрепы, распались по волнам те брёвна, которые держали их на плаву в бушующей стихии бытия.

Ныне цепенели в ней тела в предсмертном ожидании атаки Зверя-толпы, в которую пока запрещено стрелять – нравственным Законом внутри него. Осознав всё это, ощутил Панин, как зарождается, квашнёй взбухает в нём оскорблённый и неукротимый Дух воина и вожака. В его руках были судьбы соратников по крови и присяге, вручённые ему Отечеством. Они столпились за его спиной, держа наготове взведённые пистолеты. У двоих надёжно, грозно, маслились в руках автоматы. Они всё видели из окон, что сделала озверелая толпа с офицерами Штази: немецкая толпа, когда её впрессовывали в панцири мундиров, всегда так поступала с теми, кто не готов защищать свою территорию ценою жизни.

"Здесь так не будет!" – закаменело в отрешённой готовности всё его существо. Там выгорел страх и выжег все сомнения. Он надел шлем.

– Приготовиться к огневой защите!

Отдал команду и ощутил, как сдвинулась и поползла, ускоряясь, событийная лавина. Выдернул из рук Клауса Саундика взведённый "Макаров", выдернул из кобуры своего "Стечкина". Отодвинул задвижку на створке двери. Ударом ноги распахнул её. Отброшенные стальным полотнищем, упали, скатились по ступеням двое нападавших. Панин прыгнул в зияющий предсмертием проём, встал на краю крыльца. Фонари на заборе, горящая рама окна оконтурили оранжевым мерцанием готовую к бою фигуру в пятнистом комбинезоне армейского спецназа – с двумя пистолетами в руках.

Опал людской рёв, рухнул на головы тишиной. В ней трещала, рассыпала искры горящая рама.

– Здесь двадцать пуль! – калёным, вибрирующим голосом оповестил толпу Панин. – И мне нужно восемь секунд, чтобы взять девятнадцать ваших жизней! Двадцатая пуля – для меня! Кто ступит на крыльцо или бросит ещё одну бутылку, будет убит! Я русский офицер и выполню свой долг. Ну, начинайте!

Висело набрякшее страхом и ненавистью безмолвие. Панин развернулся, пошёл к двери. Мозг прожег видеоклип: из сердцевины толпы вылетает пуля, входит под лопатку, ломает ребро и застревает в лёгком. Малый кружок под лопаткой, куда "вошёл" свинцовый окатыш, немел. Развернувшись у двери, Панин задохнулся, с хлюпом втянул воздух: он не дышал уже больше минуты. Толпа всё так же молчала.

– Уходите! – уже спокойно скомандовал Панин. – Мы не стреляем в спины.

Ощутил: оружие в руках и готовность спустить с цепи смерть сработали, как шприц в руках у анестезиолога.

Ядро толпы возбудилось: лёгким гулом растеклась команда. Толпа отступала к воротам, втягивалась в них как в горло бутылки, таяла в сумерках улицы. Двор пустел – чтобы стать сосудом, в коем, спустя десятилетия, взбурлит туристическим шампанским легенда – как русский с пистолетами усмирил озверелую толпу, и это магнитом привлекало туристические толпы.

…Поставив у квадратной дыры в заборе двух часовых с автоматами, вложив "Стечкина" в кобуру и спрятав в боковой карман оружие Цаундика, Панин зашёл в свой кабинет. Позвонил домой. Врезался в слёзную истерику жены (молва о разгроме Штази и КГБ уже разлетелась по Дрездену):

– Людочка, у нас все живы. Слушай внимательно. Собери лишь самое необходимое в чемоданы. Утром, скорее всего, уезжаем.

– Куда?! – выстонала жена.

– Не знаю. Я заночую здесь, много работы. Всё.

Он положил трубку, отпустил сотрудников на два часа домой – готовиться к эвакуации, затем вернуться в Контору и до утра сортировать, уничтожать и паковать оставшиеся в отделах документы. Цаундик неотступно маячил рядом, видение разгромленного Штази сидело в памяти зазубренным штырем. Затем пошёл домой со всеми – забыв про пистолет.

Телефоны по-прежнему молчали. Не отвечала ни Москва, ни консульство в Дрездене, ни посольство в Берлине. Погромная толпа отрезала у Панина прошлое. Остались настоящее и рухнувшая на него ответственность за будущее. Он, Панин, обязан волочь его на себе: принимать решение о судьбе сослуживцев. Вчерне оно созрело в двух вариантах: расслоиться. Одним купить билеты на поезд и возвращаться в СССР, уже трещавший по всем швам – в ранге "Никто. И звать тебя никак". Желающим остаться здесь искать работу в Дрездене – охранниками, инкассаторами, вышибалами, таксистами. Им, русакам, генетически не привыкать к эмигрантскому бешенству событий: такое уже было в восемнадцатом и тридцать седьмом.

…Он сел за стол, положив оружие рядом. Застыл на несколько минут, ощущая зияющий пролом в груди. За спиной зашелестела и открылась дверь. Панин рывком развернулся, вскинул пистолет. У порога высился седовласый, под притолоку мужчина с кейсом, в сером свитере под пиджаком.

– Какого чёрта?! Как вы сюда попали? – спросил, не опуская пистолета, Панин.

– Предельно просто. Вошёл в дыру в заборе, поднялся в кабинет.

Гость шагнул к окну, сел в кресло. Закинул ногу на ногу, положил кейс на колени. Необъяснимо властную эманацию источали его облик, голос. В кресле восседал дикий, полный сил котище, с едва приметным любопытством отслеживая суету Панина-мыши. Панин пошёл к двери. Крикнул в её проем:

– Зуев, ко мне!

Часовой от ворот рысцой взбежал на крыльцо.

– Слушаю, товарищ подполковник.

– Сдать оружие. В подвал под арест до утра.

– За что?! – Лейтенант, поставив автомат у стены, с перекошенным лицом расстегивал пояс с пистолетом.

– На территорию Советской части проходит мимо вас чужой. Вы не остановили его, не подняли тревоги.

– Какой чужой… кого остановить?! – Потрясение корежило лейтенанта.

– Виктор Владимирович, верните Зуева на место. Он никого не видел, – раздалось из кабинета.

Панин вдруг понял: часовые действительно никого не видели.

– Вернитесь на пост, – скомандовал гость, – при любой попытке проникнуть во двор – предупредительный выстрел. Затем огонь на поражение. Выполнять!

– Так точно! – Зуев опрометью сбежал с крыльца. Панин ощутил: свинцово-тяжкой трещиной надламывается затылок. Дикость произошедшего распирала голову своей нереальностью: его подчинёнными командует пришлый фантом?! Он вошёл в кабинет.

– Присядьте, Виктор Владимирович, – попросил пришелец.

– Кто вы? – Панин стоял.

– Это пока не важно. Для вас важнее творение Саундика, его аналитическая сага. Точнее – её малая часть. Прочтите. – Гость достал из кейса с десяток листов, исписанных убористым и аккуратным почерком, протянул Панину.

Панин сел, положил пистолет на стол, стал читать. Это были агентурные донесения семейного друга, коллеги по Штази: подробное описание его, Панина, привычек, пристрастий, любви к электронной аппаратуре, высказывания о партийной гнили внутри социализма, об утопичности марксизма-ленинизма, о философской глубине Эммануила Канта, о маразме полит-дедов в ЦК, о ядовито-склизкой сути Горбачёва, о трусости председателя КГБ Крючкова. А главное о завербованных им, Паниным, агентах в ГДР и ФРГ, сведениями о которых он поделился с Клаусом Цаундиком.

– Как это к вам попало? – спросил он, унимая дрожь яростного омерзения внутри. Саундик расчленил и препарировал его, он описал достаточно точно процесс, происходивший в головах мыслящей силовой элиты СССР.

– Стандартным путём. Майор Штази Цаундик счёл подарком судьбы предложение работать на нас – на БНД. Я его куратор.

– Вы из БНД…

– Вы удивительно прозорливы, Виктор Владимирович, – опять с едва заметным вальяжным пиететом выпустил и снова вобрал усмешливые "когти" гость. Неторопливо наклонившись, взял пистолет Панина со стола. И Панин, дёрнувшись к оружию, с болезненным изумлением осознал – не успевает: пропущенный через него стопорящий ток чужой воли сковал реакцию мышц.

– Что дальше?! – спросил Панин, уже не хозяин кабинета – подопытный объект, в котором, вызревая, клокотала ярость.

– Всё просто. Как с вашей вербовкой Райнхарда и Георга Серхио. Вы загнали их в угол: Райнхард – пара девок в его постели и фотографии их порно-оргии. С Георгом ещё проще: покер, крупный проигрыш. В итоге два наших второстепенных сотрудника в вашем вербовочном активе. И вы стали майором.

– Как к вам обращаться?

– Зовите меня Отс. Я, как и ваш прибалт, умею петь баритональным басом. И подыгрывать себе на фортепьяно.

– Райнхард и Серхио…

– Они сознались в своей вербовке. И стали нашей подставой в игре с КГБ. Как и многое другое.

– Что именно? Чтобы окончательно загнать крысу в угол, добавьте что-нибудь весомое.

– Логично.

– Я могу встать? Ноги затекли…

– Конечно. Пройдитесь, герр подполковник. К окну.

Панин встал, подошёл к окну. Не поворачиваясь, продолжил:

– Провал с Райнхардом и Серхио. Что ещё?

– Ваш визит в Баварию, в Бад-Тельц близ военной базы США. Вы виртуозно оборудовали в развилке дерева кинокамеру с месячным ресурсом в режиме наблюдения. Браво. Она фиксировала все признаки готовящегося ядерного удара по СССР. Американцам пришлось переформатировать режим работы и техно-атрибутику базы – с учётом вашей камеры. Но вы за это получили подполковника.

– И если всё узнает наш Крючков…

– С вашей характеристикой его, как труса…

– …то мне не позавидуешь.

– И кое-что на десерт.

– Что именно?

– Связь с экстремалами – реформаторами СЕПГ: Модроу и Берхофером, плюс самое активное участие в операции Лубянки "Луч": подготовка свержения ставшего неуправляемым Хоникера. Всё на записи, на фотоснимках. Вы безрассудно шлялись по заминированному партийному полю, совали нос в запретные политотсеки ГДР. Всё ещё живая Штази, плюс служба безопасности Хоникера не выпустят вас из этого особняка и тихо, в одночасье оторвут вам голову. Жена и дочери сгниют в тюрьме. Поэтому садитесь и пишите, Панин.

– Какая форма писанины вас устроит? – Панин всё ещё стоял спиной к гостю, не вынимая из карманов руки.

"Он созрел. Две-три минуты до финала. Время Исхода" – нахлынуло предчувствие на Ичкера. Переросло в уверенность.

– Всё простенько, но со вкусом. В вас накопилась родственная страсть к всесильной БНД. Особенно к её зарплатам и образу жизни в ФРГ – на фоне нищеты, номенклатурного кретинизма в ГДР. Которую вы ненавидите. Как десятки тысяч восточных немцев, пытавшихся перелезть к нам под пулями. Плюс – ваша смешная социалистическая зарплата в 1800 марок. В итоге, обязательство работать на нас до конца жизни в любых структурах, куда забросит служба. И приложение – все данные о завербованных у нас Райнхарде и Серхио, о кинокамере в развилке дерева в Бад-Тельце. Вы приползёте к нам на четвереньках, и с агентурным подношением в зубах.

– Вам нужен слизняк без чести офицера, без присяги Родине…

– В вас некая ушибленность социализмом, Виктор Владимирович. Ваш друг Саундик давно избавился от этой шелухи: честь, присяга… какая, к чёрту, честь у примитивного, периферийного шпиона? Какая Родина? Трухлявое бревно СССР, изъеденное червями нашей агентуры в самом ЦК... Не тратьте время, Панин. Садитесь и пишите.

"Всё, мне пора!" – неистовым напрягом воли Ичкер включил процессы расслоения: ДУХ, обособившись в структурно-плазменную автономию, терял земное притяжение, выскальзывая из объятий телесной гравитации: готовился к слиянью с Ноосферой. Пустеющая плоть в преддверии Исхода вершила последние слова и действия.

– И у меня нет выбора? – размеренно и как-то необычно спросил Панин.

– Есть. Застрелиться, – сказал остаток бездуховной уже плоти Ичкера. ДУХ воспарял над ней.

– Да нет, герр Отс. Полезней пристрелить тебя.

Панин, выдернув из кармана пистолет Цаундика, стоял и целил в гостя.

– Честь офицера и присяга – шелуха? Мне жаль Германию, если её возглавят выродки, подобные тебе. Сколько живу здесь, всё больше поражаюсь патологии контрастов: Гёте и Геббельс, Бисмарк и Гитлер, Маркус Вольф и био-робот, наподобие тебя. Прощай, Отс… или как тебя там.

Он выстрелил. Потом ещё раз. Пришелец уронил голову на грудь. Обмяк, застыл в грузной недвижимости.

…Панин, взвалив пришельца на плечо, шатаясь, тащил на пригибающихся ногах вялую тушу к туалету. Услышал позади себя два лёгких цокота о паркет. Надсажено, зло выцедил сквозь зубы:

– Каб-бан… нael мяса.

Он усадил тело на унитаз. Вышел из туалета, захлопнул и закрыл на ключ дверь. Сел в кресло, расслабился, отходя от непомерной, мёртвой тяжести на плечах. Сидел, выдавливая из воспаленно саднящей памяти видение: два пистолетных грохота… дважды содрогнувшаяся плоть пришельца. Где был прокол?! В его семью внедрили Клауса Цаундика… Куратор из БНД вошёл в его оперативно-агентурный пласт Цаундиком давно и прочно, как нож в кус масла… проткнул насквозь защитные, предохранительные оболочки… они высветили всю его работу до деталей… как?! Он был под колпаком целой команды?! Невиданная честь для подполковника… его вели как супер-нелегала международного калибра… с какой стати? Но к чёрту! Пора работать, готовить агентурные дела.

Он разжёг камин. Перебирая, просматривая груду папок, откладывал некоторые в сторону. Таких, подлежащих уничтожению, набралось пять – пять агентов высочайшего класса, внедренных в НАТО ФРГ ещё его предшественником. Зашифровал, переписал шифрованные данные из папок в записную книжку, встал. Взял папки, понёс к горящему камину.

– Не надо это делать, Виктор Владимирович, – хлестнул по слуху голос из туалета. Панин дёрнулся, застыл, на темени игольчатым морозом стянуло кожу – там поднимался редкий волос. Дверная ручка туалета дёрнулась вниз, вернулась назад. Дёрнулась ещё раз.

Тупой, буйволиной силы удар изнутри сорвал её с петель. Дверь грохнулась на пол. В проёме показался, перешагнул порог "мертвец" – голый по пояс. Свисали из рук, мели паркет пиджак и свитер. На выпукло-бугристом торсе, облепленном клубками мышц, отблёскивал пластинчатым металлом бронежилет. Оживший шёл к столу. Не доходя, нагнулся и поднял с паркета два свинцов катышка, расплющенных о металл его бронежилета.

– Это ваш пропуск в иное измерение, – сказал гость, – вот это, плюс сохранённые понятия "честь офицера" и "присяга Родине".

– Ты знал, что я буду стрелять?

– Предвидел. Вы оправдали ожидание.

– Что дальше?

– Папки тяжёлые. Не напрягайтесь, Виктор Владимирович, кладите их на стол. Они нужны нам целыми, не обгоревшими.

– Для чего?

Гость молча распялил на руках свитер с двумя дырами на груди, сунул в них пальцы. Перевернул, надел целой стороной вперёд. Накинул пиджак на плечи. Сел в кресло.

– Садитесь, геноссе подполковник. Наш разговор и обстоятельный и долгий. Вы вправе прерывать меня и задавать вопросы.

– Так для чего нам папки? – переспросил Панин. Тоже сел.

– О них позже. Сначала о России. СССР практически разрушен изнутри функционерами ЦК и Политбюро, завербованными ФБР и ЦРУ.

– Я это уже слышал. Похоже на бред.

– Прочтите. – Гость протянул листок с печатным текстом. Панин взял его. Сидящий в кресле пояснил: – Информация из США.

Панин читал. Сотрудник протокольно сжатым языком описывал встречу главы ЦРУ Уильяма Уэбстера с тремя сенаторами в своем кабинете. Уэбстер показал сенаторам четыре досье на завербованных функционеров Политбюро ЦК: Яковлева, Горбачёва, Шеварднадзе, Андропова. Еще двоё были из спецслужб: высшая элита КГБ.

– Могу я узнать, откуда эта информация? – Панин глотнул пересохшим горлом, подрагивая в ознобе.

– От резидента в Сенате США. Главе нашей Внешней разведки Михайлову.

– Вы доверяете мне имена?

– Две пули в защиту вашей чести офицера и присяги – ваш пропуск в иной уровень доверия. СССР предали его главари, он обречён. Месяц назад новый президент США Джорж Буш встретился на Мальте на теплоходе "Максим Горький" с Горбачёвым. Они обговорили окончательные сроки развала СССР, объединение Германии и дивиденды в виде Горбачёв-фонда: иудины сребреники Горбачёву за разгром государства. Есть запись их беседы.

– Её можно прочесть?

– Конечно. Немного позже. Нас поджимает время.

– Это… развал социализма?

– Разгром, Виктор Владимирович. Мы с вами профукали партийное гнильё внутри него, и отмываться за это будем не одно десятилетие. Грядёт тайфун приватизации. Гиганты индустрии перейдут в частную собственность банды ворюг – за копейки. Туда назначены смотрящими паханами Зюбайс и Валашин. При них диктаторами два ЦРУшника: Андрей Шлейфер и Джонатан Хэй, работают на штатное агентство ЦРУ USAID.

– Варшавский договор?

– Идёт его распад. Литва и Латвия приняли на Верховных советах декларацию о полном отделении от СССР. Правительство Венгрии провозгласило независимость и открыло границу с Австрией. Все наши азиаты орут на митингах: "СССР – тюрьма народов". Компартия Чехословакии раздавлена народным бунтом, ушла в отставку. Расстреляно в Румынии семейство Чаушеску. Оскалилась, в который раз готова оторваться от России Польша.

– Господин Отс! – угрюмо, загнанно смотрел на гостя Панин. – Я смертельно устал. Вы сотворили со мной расчленёнку, как с трупом в прозекторской. Но я больше жив, чем мёртв, хотя уже не знаю, где буду завтра ночевать и чем кормить жену с детьми. Что значит весь этот спектакль?

– Вы правы. Время для главного. Задавайте вопросы.

– Цель вашего прихода?

– Сделать из вас зоологический гибрид. В нём будут слиты воедино амфибийность жабы, которая способна выжить в двух несовместимых средах. Хватка бульдога. И не рассуждающая целеустремлённость главаря, зацикленного на идее.

– И это получится?!

– Я в этом убедился.

– Когда?

– Когда вы волокли меня в сортир, я временно отсутствовал, зондировал вашу карму в Информополе, то бишь, в Тайджасси.

– Вы прошвырнулись в будущее телепатом и проследили там мои телодвижения.

– С вероятностью в 75 процентов.

– А почему не сто?

– Грядущее вариативно. В него могут вноситься коррективы в настоящем.

– И где я в будущем?

– В Кремле.

– Герр Отс… или как вас… я атеист. Прошу прощенья, мне наш разговор напоминает диалог двух шизофреников.

Панин подрагивал в усмешливом ознобе. Всмотрелся в холодное, спокойное лицо гостя. На нём не было и тени розыгрыша или насмешки. Отс не ответил. Ждал.

– И кто же меня пустит в… Кремль?

– Вы абсолютно точно обозначили процесс. Туда субъекта пропускают после тотального отбора и отсева.

– Кто делает отбор? Он что, ведётся сейчас?

– Адептов на континентах несколько. Один из них в Европе – я, начальник агентурного отдела БНД, куратор Дрезденского проекта "DRAY-THREE", то есть "Третий".

– Подробней можно?

– Планетарный социум сползает к катастрофе. Его разрушает парадигма потребительства, навязанная человечеству рептилоидами, их щупальца – Госдеп США и весь фининтерн. Необратимо истощаются энергетические и морально-нравственные ресурсы человечества. В России эти процессы кратно заторможены, резерв во многом сохранился. И проект "Третий" создан, чтобы продлить существование паразитарных ТНК и финансовых пузырей за счёт этого резерва. Поэтому возникли поиски "Третьего".

– Почему "Третьего"?

– Первый – Горбачёв, отработанный шлак. Он сделал своё дело, СССР практически разрушен. Второй – Ельцин, распнёт Россию для изнасилования Олигархатом. И через 7-8 лет отойдёт в мир иной во всеобщей ненависти: сработает дебильная наследственность пьяницы и самодура. Поэтому ведётся поиск "Третьего" – ему на смену.

– И много претендентов?

– Испытываются восемнадцать русских кадров из посольств и консульств: на генетическое соответствие, на психофизическую устойчивость и на готовность идти по трупам к цели. Отбор ведётся в Лондоне, Нью-Йорке, Вашингтоне. И Дрездене, где я куратор. Я предложу вас, как одного из самых перспективных, пропущенного через нынешнюю агрессию толпы и усмирившего её.

– Так это вы устроили разгром Штази?!

– В толпе работало моё ядро. Мы отключили вас от посольства, консульства. И от Лубянки.

– Т-твою мать!! Мы оказались куклами в твоем спектакле?! Ты видел, что сотворило с офицерами Штази это зверьё?

– Нормальный минимум. Погиб всего один и трое в госпитале.

– Это нормально?! Ты что, сбесился?

– А вы? Были готовы угробить из "Макарова" и "Стечкина" двадцать жизней. Это был блеф?

Панин, нещадно сдёрнутый с настоящего в противостоянии с толпо-зверем, раздавленно молчал.

– Вы блефовали на крыльце? – воткнул в него вторично лезвие вопроса двуликий гость.

– Нет, – обессилено обмяк подопытный.

– Мы это знали. При первом выстреле к вам, на Анжеликоштрассе, ворвался бы отряд штурмовиков для разгона толпы. Они были в готовности в соседнем дворе. Аналогичные сценарии в Нью-Йорке, Вашингтоне, Лондоне прошли куда грязнее. В Америке – двенадцать трупов. В Лондоне – четыре.

– Цель оправдывает средства…

– Если эта цель – вымирающая в геноциде зомби-Россия – в качестве энергетического донора. С карманным вожаком, иль "ЖАБО-SAPIENSom" Третьим. То есть – вами.

Панин потрясённо молчал, осмысливая трёхмерное, нещадно слепящее панно, с которого сдёрнул покрывало его хамельонно изменяющийся гость. Панно пульсировало, сочилось реками сукровицы, горем, страданиями миллионов. Его трясли конвульсии локальных войн, этнической вражды.

– На роль козла, ведущего российских баранов к бойне, отобрано из восемнадцати – три кандидата. Вы из них лучший, – продолжил гость.

– Чем?

– Везением. Нам крупно повезло. Читайте.

Он протянул Панину листы с немецким текстом. Текст был за его, подполковника Панина, подписью, сдающего в БНД агентурную сеть КГБ в Западном Берлине – в количестве пятнадцати агентов-нелегалов. Панин выплывал из шока.

– Моих здесь всего двое: Райнхард и Георг. Я не знаю остальных!

– Их сдали нам Калугин и Бакатин. Они работают на БНД уже два года.

– Калугин и Бакатин?! – Трещала, рушилась в его сознании гниющая конструкция развед-системы, которой он служил, был плоть от плоти её, где принимал присягу. – И они сдали вам всю сеть?

– В моём докладе сдали не они, а вы. Доклад будет готов к утру. Калугин и Бакатин – два кабинетных бздуна. Их не ошпаривала, не протыкала и не растягивала на разрыв реальность нелегальщины – как вас. Вы – резидент, вы создавали эту сеть, вы рисковали жизнью. Теперь передаёте вашу "плетёнку" нам. Плюс – ваша фотокамера в развилке дерева в Бад-Тельце. Теперь она в вашем активе. Вместе с агентурной сетью.

– Как вы сказали, я приползу к вам, держа в зубах жирный подарок…

– Вы распахнете дверь БНД левой ногой, с роскошным, королевским подношением, в статусе аналитического живоглота, готового идти по трупам к цели – тем самым Третьим. Сосредоточьтесь, Виктор Владимирович. Я изложу программу и стратегию для достижения цели.

– Я слушаю.

– СССР, а в скором будущем просто Россию, готовят к расчленению. Сначала ЦРУ и НАТО, МИ-6 и БНД совместно с Соросом и под диктовку Бильдербергов запустят суицид приватизации. Заводы, фабрики, весь ВПК лишатся господдержки и финансов. Повымирают, уйдут в торговлю специалисты экстра-класса. Затем весь этот кровоточащий обрубок от страны бросят бизнес-шакалам. Раздирая его на куски, уничтожая технологии, не вкладываясь в модернизацию, они станут паразитарным классом миллиардеров, или новым био-видом двуногих хищников. Вся власть окажется в их лапах. В Кремле, в правительстве останутся марионетки, куклы Госдепа США, Лондон-Сити и Уолл-Стрита. И приводным ремнём к ним станет доморощенная олигархия.

– Моя роль в этом процессе? – Панин подрагивал в ознобе. Апокалипсис предстоящего жёг мозг кислотой.

– Мы вас запустим в стаю тех шакалов. В Питере. И вы начнёте карьеру бизнесмена.

– Я в ней не смыслю ни черта!

– Освоите! Поможем! – Стальная, прессующая воля вдавилась в Панина – вы, с нашей помощью, станете таким же, как они, такого же окраса, экстерьера. Но только на порядок кровожаднее, хитрее, злее, дальновиднее. Мы будем уводить вас из-под расследований, гасить уголовные дела и обеспечивать СМИ-защиту.

– Стать вожаком на трупах и разрухе…

– …чтобы протиснувшись во власть и обретя свою команду, очистить государство от ворья и паразитов. Создать в России то, что не удалось ни Кампанелле, ни Фурье.

– Вы… всё это увидели? Меня, в самом деле, запустят в Кремль? Надолго?

– Детали этого грядущего трудно различить. Но в нём отчётливо пульсирует и припекает драма раздвоения. Для вас это мучительный процесс. Для нас – непредсказуемый.

– В чём его суть?

– Вы станете мутантом Двухголовым, с единым туловом, где у каждой головы своя программа, ценности, пристрастия, менталитет. И головы – враждебны в своей сути, они непримиримы в бешенстве раздрая.

– Непримиримость богача и нищего, паразита и трудяги, хама и эстета в одной плоти…

– Для вашей левой головы, пропитанной высокомерной спесью олигарха, любой социум будет всего лишь телом для вампира, чтобы высасывать из него кровь, плазму, костный мозг нефтересурсов, ископаемых. Для правой головы Россия – Родина, Отчизна, усыпана костями предков, полита кровью Родового Эгрегора, овеянная гордостью за дедов и прадедов, где каждая травинка, лепесток, цветок вам шепчут о родстве. И это будет неутихающая схватка двух голов на одной плоти, которые не в состоянии ни разойтись, ни отключить друг друга. И чем закончится их драка – мы не знаем.

– И, тем не менее, рискуете делать из меня ЖАБО-SAPIENSa Третьего?

– У нас нет выбора, Виктор Владимирович! – отчаянным и горьким шепотом прорвалось из Ичкера. Он, наклонившись к Панину, сверлил его глазами. – Единственное, что даёт надежду: две ваших пули в меня, наглого агента БНД, и воспалённая честь офицера, давшего присягу. Во что мне остаётся верить: вы присягали не вождям, а Родине – России. И я вверяю мою будущую судьбу в ваши руки. Как вы должны вверить мне свою…